

Петр Дуткевич¹**ПЯТЬ МЫСЛЕЙ НА ТЕМУ МЕЖДУНАРОДНОЙ
СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ**

Каковы основные причины начала распада глобальной системы и какие последствия этого процесса нас ожидают? Вот несколько соображений на эту тему.

1. Управление государством становится все сложнее независимо от общественного устройства — как для демократии, так и для авторитарного режима.

Все труднее облагать налогом богатых, сохранять социальный мир, бороться с терроризмом, объединять иммигрантов, поддерживать средний класс без особых затрат, не допускать забастовок.

Кризис 2008–2010 годов вызвал серьезные колебания в мировой экономике и политике. Его последствия до сих пор ощущаются всеми правительствами, потому что им становится сложнее контролировать события, происходящие в их странах. Этим объясняется тот непонятный процесс изменения мировых парадигм, который Зигмунт Бауман охарактеризовал как переход от «межвременья» к «новой норме».

Факторы нестабильности у каждой страны свои, они разные в Египте, Сирии, Франции, России, но их объединяет то, что все основные причины всегда порождаются событиями внутри самого государства. То есть, как правило, то, что мы называем международными проблемами, начинается у нас «дома». Для России, как и для большинства стран, проблемы, которые приходят извне, порождаются общественными проблемами, возникающими в пределах страны. То же самое мы наблюдаем и в Египте, Сирии, на Украине. Люди в странах — членах ОЭСР до 2008 года были уверены в завтрашнем дне, ведь 40 лет у них царила стабильность, была стабильная заработная плата, устойчиво развивались многие секторы экономики и будущее виделось если не лучше, то, по крайней мере, не хуже, чем сегодня. Сейчас это ощущение исчезло.

¹ Директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор политологии. Автор и редактор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Евразийская интеграция — взгляд изнутри» (в соред.), «22 идеи как исправить мир: беседы с известными мировыми мыслителями» (сored.), «Новые технологии в общественном управлении в отражении канадского и российского опыта» (сored.), «Демократия против модернизации, дилемма для России и мира» (сored.), «Россия — проблемы преобразования» (сored.), «Ювенальное правосудие в России» (в соавт.), «Новая Европа: влияние первого десятилетия. Варианты моделей» (сored.). Член Валдайского клуба. Награжден орденом Дружбы (Россия). Удостоен премии Посольства Канады в РФ за выдающийся и продолжительный вклад в российско-канадские отношения, премии за передовой опыт исследований от Карлтонского факультета общественных дел.

Почему так происходит?

Есть по крайней мере *два варианта* объяснения этого процесса.

А. Один вариант мы частично позаимствовали из умозаключений Ивана Крастева:

а) в экономическом смысле, начиная с 1917 года (с ситуации в России) и заканчивая 1930-ми, общество в целом и в особенности политики перестали надеяться на рынок как на лучший способ вложения инвестиций, в результате появились новые парадигмы. Уверенность в рынке была потеряна, и на ее место пришло доверие к правительству как органу, способному управлять экономикой и решать экономические проблемы. Такие настроения были характерны для Америки времен Рузвельта, сталинской России и нацистской Германии (появление кейнсианской модели);

б) противоположная ситуация сложилась в 1970-х на Западе, когда общество потеряло доверие к правительству как экономическому субъекту, но в то же время вернулась уверенность в рынке (то есть доминировала модель Хайека–Фридмана);

в) затем, в 1980-х годах, с приходом неоллиберализма произошел переворот. Теперь на рынке доминировала свобода выбора, что открыло массу возможностей для инноваций, но также делегитимизировало саму идею общественного интереса. Капитализм дал людям богатство выбора во многих областях экономики и в социальной сфере. Но оборотной стороной этого процесса было то, что люди перестали беспокоиться о том, что происходит в обществе, чувство гражданского долга было сведено к минимуму. Все преследовали лишь свои личные интересы, общественные же нужды отошли на второй план.

В результате люди потеряли веру и в рынок, и в государство, поскольку недоверие к рынку не сопровождалось растущей уверенностью в государстве. Следующий шаг должен был привести к потере уверенности в рынке и, следовательно, к либеральной демократии.

На мой взгляд, таким образом мы вошли в период стратегической нестабильности, которую можно определить как неспособность к управлению на разных уровнях (используя старые методы управления).

Б. Зигмунт Бауман, известный макросоциолог, предложил другое объяснение. Если вкратце, то его аргументом является то, что даже крупные державы очень ограничены в возможности управлять, потому что мир находится в состоянии «межвременья». Так называемое «межвременье», согласно Бауману, — это

обновленная версия модели, предложенной Антонио Грамши, в которой старые методы больше не работают, а новые и более подходящие еще не изобретены.

Межвременье было спровоцировано прогрессирующим разделением действующей силы (исполнительной власти) и политики (законодательной власти). Таким образом, получился разрыв между задачами и инструментами их исполнения, в результате исполнительные органы власти стали практически неконтролируемыми, а законодательные лишились необходимой опоры. Политика была по-прежнему направлена внутрь государства, в то время как мировая ситуация ставила более глобальные и межтерриториальные задачи. Далее Бауман утверждает, что наша взаимозависимость уже вышла на глобальный уровень, тогда как наши возможности ограничены внутренним управлением. И эта проблема глобальности задач и недостатка инструментов для их решения усугубляется с каждым днем.

Позвольте мне объединить оба подхода в один в свете их влияния на мировую политику.

Скажем вкратце: мы все еще лишены инструмента, который подошел бы для управления новыми политическими и экономическими явлениями на глобальном уровне, поэтому мы по-прежнему используем устаревшие инструменты, годные лишь для территориального этнического государства. Разрыв между законодательной и исполнительной властью приводит к тому, что становится все сложнее управлять при таком разбросе интересов и мнений. Исполнительные органы, кодексы законов и юридические процедуры еще не адаптированы к сложившейся ситуации.

2. Здесь возникает главная проблема власти.

Сначала я дам определение этой проблемы, а потом проанализирую ее. Понятие исполнительной власти многогранно и может иметь множество определений. Для определения понятия «власть» я буду опираться на три основные характеристики: власть — это уверенность в повиновении (теория Ницана и Бихлера), власть — способность действовать (следуя политическим решениям — теория Баумана) и власть — воплощение *внутренних проблем* государства (когда правительство пытается переложить внутренние проблемы государства на внешнюю политику. Ярким примером могут служить США, печатающие деньги).

1) *Позиция Баумана заключается в том, что разрыв между политикой и властью растет; я считаю, что мы имеем дело с двумя глобальными изменениями: одно — географическое (региональное — западно-юго-восточное) изменение власти, второе заключается в том, что в связи со всеми перемещениями у власти не осталось костяка, который был бы способен регулировать ее действия. Другими словами, власть все более и более лишена политического контроля.*

2) Сейчас неоспоримые лидеры во всех сферах — от религии до правительства и от вооруженных сил до финансовых институтов — все больше убеждаются в том, что они очень ограничены в своих действиях по отношению к власти. *Стало легче прийти к власти, сложнее ею пользоваться и намного легче ее потерять* (Мойзес Наим).

3) Во многих отношениях эти изменения во власти хороши. Общество стало более свободным, появилась свобода выбора. Избирателям есть из кого выбирать.

4) Но не стоит изображать все в розовом свете. Кризис власти становится очень ощутимым, когда дело доходит до решения серьезных мировых проблем, таких как глобальные угрозы. Есть большое количество вопросов, которые требуют коллективных международных действий. Это означает, что необходимо сотрудничество стран и объединение их политик на международном уровне. А это в последние годы оказывается все более сложно, а зачастую и просто недостижимо.

Ранее я сказал, что «власть все больше выходит из-под политического контроля». Исходя из этого,

3. Понятие суверенитета также подвергается серьезным изменениям.

Сначала я дам своего рода разъяснение понятия «суверенитет». «Суверен» — государство, которое управляет «доминирующим рационализмом своего развития». «Суверенные государства» в состоянии установить особый тип экономического рационализма, который вписывается в их текущий этап развития. При этом более слабые страны заимствуют модель рационализма у более сильных. Это создает особое понимание рыночных, общественных и политических взаимоотношений на мировой арене, порождая определенные явления в обществе, такие, например, как споры о «малых государствах», «неолиберализме», «демократии», «свободной торговле». В обществе появляются определенные стандарты, установленные крупными странами, что приводит к некоторой асимметрии рационализма.

Внедрение рационализма есть фактическое подчинение, поскольку «доминирующий рационализм» служит главным образом тем, кто внедрил его в собственных интересах, и таким образом он искажает внутренние потребности государства, которое его заимствует. Другими словами, при заимствовании рационализма может возникнуть проблема глобальной совместимости заимствуемых стандартов с исторически сложившимися нормами заимствующего государства. Другим последствием «асимметрии рационализма» является то, что ориентация на чужие стандарты искажает внутреннюю систему государства, мешает государству преследовать собственные интересы и определять свое место на международной арене.

Мы можем прийти к выводу, что разделение понятий внутреннего и внешнего суверенитета становится устаревшим. Сейчас это единое понятие, главное значение которого заключается в том, что правительства государств *должны работать 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, чтобы поддерживать суверенитет своего государства. А теперь настало время представить еще одну идею.*

4. Правильное понимание власти, суверенитета и либеральной демократии дает возможность предвидеть дальнейшее развитие.

1) Либеральная демократия не гарантирует стабильности правительству, так как на выборах даже самое демократичное правительство может быть свергнуто.

нуто обывателями; таким образом, системный порядок разрушен, но...

2) Слишком сильный внутренний суверенитет может привести к образованию суверенитета правительства по отношению к своему народу.

Наконец, потенциальная реакция развивающихся экономических систем и «малых государств» не соответствует модели «Запад против остальных», она напоминает модель «мир за пределами Запада».

Если не брать во внимание формальный выбор (*либерализм или конфликт*), мы видим, что развивающиеся страны начинают строить «мир за пределами Запада», «обходя» существующий международный порядок. Все отчетливее прослеживается, что новые державы медленно, но неуклонно усиливают связи между собой во всех областях. Таким образом, они ослабляют узел галстука, который связывает их с либеральной международной системой, сосредоточенной на Западе. То, что происходит сейчас, является совместным усилием новых держав в построении параллельной многосторонней системы, которая обходит либеральный порядок и может привести к изменению мира, существующего сегодня.

Это является тревожным сигналом для многих людей, главным образом из-за привлекательности существующего либерального порядка и рисков, которые таит в себе неопределенность дальнейшего развития событий.

Также любопытен тот факт, что «остальные» предлагают *процесс* вместо *модели*. Вопрос не в том, могут ли эти новые институты «заменить» элементы мирового порядка, а скорее в том, будут ли они развиваться на том же уровне и в том же направлении спустя несколько лет.

5. Наконец, финальное замечание по многополярному миру.

Создание нового мирового порядка, о котором так много говорили 25 лет тому назад, не привело к успеху. После распада СССР США оказались не в состоянии управлять мировыми процессами. Справедливости ради нужно сказать, что многополярный мир, к которому так стремились, сегодня не обещает порядка, гармонии и равновесия. И это порождает целый ряд проблем, которые мы пока не готовы решать.